



В 2015 г. увидела свет монография экономиста Григория Германовича Попова и историка Станислава Геннадьевича Давыдова «Российская империя – от генезиса к коллапсу. Очерки по социально-экономической и политической истории»\*, посвященная сложной проблеме трансформации России в периоды становления и развития ее государственности в форме империи. Авторы отошли от традиционных трактовок российско-

го исторического процесса, базирующихся на идеях, как линейного развития, так и циклического развития, избрав, хотя и не бесспорный, но и не безынтересный подход, совмещающий культурные и интеллектуальные традиции элит с социально-экономическими детерминантами развития как взаимодействующие на протяжении длительных исторических этапов факторы развития общества. Публикуемая ниже статья знакомит читателей журнала с одним из сюжетов новой книги.

УДК 330.341:339.727.22(09)

ББК 65.03(2)522/53

DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(3\).579-596](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(3).579-596)

**Г. Г. Попов**

Московский технологический институт,  
г. Москва, Российская Федерация

**С. Г. Давыдов**

Московский филиал Ленинградского государственного  
университета имени А. С. Пушкина,  
г. Москва, Российская Федерация

## **РОЛЬ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ**

**Аннотация.** Авторы доказывают, что Российская империя после Крымской войны пошла во второй по-

---

\* Попов Г. Г. Российская империя – от генезиса к коллапсу. Очерки по социально-экономической и политической истории / Г. Г. Попов, С. Г. Давыдов. – Ногинск, АНАЛИТИКА РО-ДИС, 2015. – 524 с.

ловине XIX в. по пути интеграции с Западом через импорт капитала и развитие внешней торговли. Ими отстраивается точка зрения, что модернизация в России нового времени была невозможна без иностранного капитала, хотя у такой модернизации проявлялись и отрицательные стороны. В статье сконцентрировано внимание на позитивных аспектах такой модернизации. Авторы полагают, что импорт капитала стал по существу частью Великих реформ, одним из центральных пунктов которых являлся отказ от попыток построения в России автаркической экономики.

*Ключевые слова.* Великие реформы, модернизация, Российская империя, экономическая история XIX века.

**G. G. Popov**

*Moscow Technology Institute,  
Moscow, Russian Federation*

**S. G. Davydov**

*Moscow branch of Leningrad state University  
named A.S. Pushkin,  
Moscow, Russian Federation*

## **THE ROLE OF FOREIGN CAPITAL IN THE MODERNIZATION OF RUSSIA IN THE PERIOD OF THE GREAT REFORMS**

*Abstract.* The authors prove that in the second half of the 19th century, after the Crimean War, the Russian Empire started the integration with the West by means of capital import and foreign trade development. They urge that the modernization of Russia was impossible to implement without foreign capital, however, such modernization had some negative sides. The authors focus on the good aspects of this modernization. The authors believe that capital import had become a part of the Great Reforms, one of central ideas of which was denying the autarky development in Russia.

*Keywords.* Economic history of the 19th century, the Great Reforms, modernization of Russia, Russian Empire.

Великие реформы Александра II ассоциируются в первую очередь с отменой крепостного права в России, хотя начинались они фактически с совсем других мер, а потому и рассматриваться должны в контексте повышения открытости российской экономики для Запада, на фоне очередной «разрядки» в отношениях между Санкт-Петербургом и Лондоном после кровопролитной Крымской войны.

Когда Россия потерпела поражение в Крымской войне 1853–1855 гг., то это был «приговор» не только системе обороны страны, выстроенной Александром I и Николаем I на фундаменте массового артиллерийского производства, заложенном еще при Павле I. Это был «приговор» и определенному пути развития экономики России, которая еще при Александре стала отходить от принципов фритредерства, стремясь к самодостаточности. Это не нравилось Лондону, но нравилось многим казенным «патриотам» Российской империи. Увы, поражение в Крымской войне показало, что построить эффективную самодостаточную экономику не удалось. Пришлось в очередной раз «открываться» Западу.

При Александре II в России произошли важные изменения, не связанные непосредственно с Великими реформами, которые стали давать реальный эффект для общества уже в 1880-е гг. Эти изменения заключались в либерализации политики привлечения иностранного капитала в страну. Вместе с капиталом в Россию устремились специалисты, и пришли новые технологии.

### **Привлечение иностранных инвестиций в императорскую Россию**

В конце 1850-х гг. Александр II подписал соглашение о свободной торговле между Россией и Британией. Спустя еще некоторое время британцы предложили российскому правительству проект постройки

железной дороги между Ригой и Динанбургом (нынешний Даугалпис), что означало повышенный интерес английского бизнеса к северо-западу империи — столичному региону. В это же время Александр II решил иностранцам участвовать в российских коммерческих компаниях. В результате начало 1860-х гг. стало периодом оживления российско-британских экономических связей. Приведем лишь несколько примеров этих связей.

Несмотря на подавление восстания 1863 г. в Польше, британское правительство закрыло глаза на закупки Россией в Англии материалов для перевооружения флота. В Британии многие были убеждены, что если в Европе разразится новая война, то англичане не будут в ней участвовать, а воевать с Россией придется Франции в одиночку.

Однако между Россией и Британией сразу же сложился отрицательный платежный баланс, что в дальнейшем будет способствовать росту российского зернового хозяйства, лесной отрасли и текстильной промышленности. В самой Англии это вызвало недовольство квалифицированных рабочих и мелкой буржуазии. Если в 1861 г. русский экспорт в Англию составил почти 12,8 млн фунтов, то в 1862 г. его объем вырос до 15,1 млн на фоне снижения английского экспорта в Россию с почти 5,8 млн в 1861 г. до примерно 3,7 млн фунтов в 1862 г. [12, р. 9].

Грандиозным для своего времени российским проектом с участием английского капитала стало строительство в 1860 гг. железной дороги из Санкт-Петербурга в Москву. Бюджет этого проекта составил 20 млн фунтов — гигантские для Российской империи того времени деньги [12, р. 20].

В апреле 1862 г. лондонская ветвь Ротшильдов выдала кредит российскому правительству на значительную по тем временам сумму — 15 млн фунтов, что эквивалентно примерно 150 млн р. [12, р. 9].

Принципиально важным элементом внешнеэкономических связей России во второй половине XIX в. стало втягивание Российской империи не только в товарооборот с Западом, но и в импорт западного капитала.

Отставание России от Запада при Николае I было следствием не только крепостного права, но и дефицита капитала в промышленности. Он поступал туда крайне медленно и в малых масштабах, перетекая из сельского хозяйства и торговли. По состоянию на июль 1857 г. во всех сберегательных кассах Российской империи числилось 1 250 млн р. — огромная, по тем временам, сумма. Но из нее в кредит государству было выдано 350 млн р., в ссуду дворянам под имения еще 650 млн р., на остальные виды кредитов пришлось всего лишь 125 млн р. [6, с. 203]. Со времен Екатерины Великой практически ничего не изменилось.

В промышленности после подъема первой четверти XIX в. обозначилось замедление темпов роста. Жестко контролировавшаяся государством металлургия в конце 1850-х гг. выплавляла 16 млн пудов металла разного сорта и типа, тогда как за 60 лет до этого — порядка 8 млн. В Англии аналогичные показатели составляли 234 млн пудов во второй половине 1850-х гг. против 8 млн в конце XVIII в. Государство в России всячески защищало своих металлургов, прямо действуя по рецептуре, предложенной Фридрихом Листом. Промышленникам-металлургам выдавались государственные субсидии, обширные государственные земельные владения, массы крепостных — и все безрезультатно, отрасль развивалась медленно. В результате стоимость русского железа в 1850 г. составляла 1 р. 27 к. серебром за пуд, почти как в 1825 г., тогда как за тот же период в Англии стоимость пуда железа снизилась на 60 % [2, с. 76].

Как считал М. И. Туган-Барановский и другие исследователи, низкая производительность в российской металлургии была связана с широким приме-

нением труда крепостных рабочих. Представляется, торможение отечественной металлургии происходило не только из-за применения подневольной рабочей силы, поскольку и у английского рабочего свобода в то время тоже было немного. Важнее то, что русские металлурги привыкли к опеке государства, в силу чего мотивов развивать собственную технологическую базу у них было мало.

В советский период к теме иностранных инвестиций относились неоднозначно, такое же положение сохранилось и в постсоветской историографии. П. А. Хромов, например, в одной из работ, опираясь на ряд статистических данных о проникновении иностранного капитала, писал: «Многие исследователи преувеличивали роль иностранного капитала в экономике России, не учитывая его отрицательных последствий. Ошибочно и другое мнение, согласно которому иностранный капитал будто бы играл в России такую же роль, как и в полукOLONIALной стране. То, что капитал в Россию экспортировался преимущественно в форме займов, а не инвестиций, дававших значительно более высокий процент прибыли кредитору, опровергает мнение о господстве иностранного капитала в экономике дореволюционной России» [9, с. 181].

Согласно П. А. Хромову, иностранный капитал приходил в Россию в качестве дополнения к русскому капиталу. Западные исследователи выдвинули совершенно иной взгляд на проблему иностранных инвестиций в Российской империи. Так, Майкл Корт пишет: «Два ключевых фактора определяли развитие русского капитализма: непропорциональная роль иностранцев и прямое вмешательство государства. Иностранцы играли такую выдающуюся роль из-за отсутствия капитальных ресурсов и необходимого технического мастерства для расширения промышленного производства. Иностранные инвестиции достигали фактически 1/3 всех промышленных инве-

стиций в России, будучи сконцентрированы в таких базовых отраслях как железная, угольная, химическая и нефтяная. Несмотря на постепенное развитие российской буржуазии после 1860 г., роль государства в национальной экономике росла с каждым десятилетием между 1860-ми и 1900-ми годами» [11, р. 47–48].

По мысли Корта, мы должны смотреть на то, куда и почему шли инвестиции и каким эффектом они сопровождались для народного хозяйства России. Как мы продемонстрировали выше, при поддержке государства национальный частный капитал десятилетиями работал в металлургии, не принося отдачи. Возможно, куда большую пользу империя получила бы, просто импортируя металл.

В 1898 г. в России было 1 146 акционерных обществ, их капитал насчитывал 2 061 млн р. (основной – 1 806 млн, запасной капитал – 255 млн р.). Из общего числа российских акционерных обществ иностранными формально являлись 115 с капиталом 337 млн р. Кроме того, в 1898 г. были допущены к операциям в России 23 иностранные анонимные компании, имевшие суммарный объем иностранного капитала в 96 млн р. Получается, что примерно шестая часть акционерного капитала в России на рубеже XX в. имела иностранное происхождение. Но важно еще принять во внимание его роль для модернизации страны.

Французские банкиры были главными кредиторами постройки железных дорог, Виккерс и Шнейдер финансировали военные заказы в России, англо-голландский трест «Ройл Датч Шелл» сделал многое для развития Грозненских нефтепромыслов. В 1908 г. стратегическая компания «Лензото» перешла под контроль британского концерна «Лена Голдфилдс». Список можно было бы продолжить.

Примечательно то, что успех иностранных компаний и иностранных бизнесменов в России не был обусловлен чисто финансовым фактором. Как мы указали

выше, даже в конце 1890-х гг. иностранцы контролировали не более 1/6 части всего акционерного капитала в России, что, в принципе, не так много. Однако есть и другие оценки: как писал А. А. Мосолов, иностранцы контролировали 60–70 % капитала в России перед Первой мировой войной, тогда как в начале правления Николая II – только 20–30 % [7]. Возможно, Мосолов и преувеличивал, хотя не исключено, что в его оценке есть рациональное зерно. Ведь что есть контроль над капиталом? Он может выражаться как непосредственно во владении активами, так и в реальных правах на управление (как явное, так и скрытое) ими. Не исключено, что эта оценка как раз и отражает не только «надводную», но и «подводную» часть «айсберга» западных инвестиций в России.

### **Нобели в России: история успеха бизнес-новаторов**

Причины успеха иностранцев в России демонстрирует пример деятельности братьев Нобелей. Из этой шведской бизнес-семьи наиболее известен «динамитный король» Альфред Нобель, создатель Нобелевских премий. Для анализа отечественной экономической истории более интересны, однако, его братья – Людвиг и Роберт, которые прославились в качестве крупных западных инвесторов в России.

В 1870 г. Людвиг и Роберт Нобели взяли на откуп Ижевский оружейный завод, который, как бы сейчас сказали, был проблемным. По условиям аренды завода, они обязались поставить в течение семи лет 200 тыс. ружей. Нобели полностью переоснастили завод, завезли новое импортное оборудование и применили новейший сплав для винтовочных стволов. План был перевыполнен, и русская армия получила 500 тыс. ружей, которые оченьгодились к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В России не было своих инженеров, не было промышленников? Были, конечно, только система моти-



вазии у Нобелей и у многих русских предпринимателей была различной. Отечественным предпринимателям не надо было утверждаться в чужой стране, где к «чужим» относились настороженно. Нобелям и многим другим иностранным бизнесменам приходилось пробиваться прежде всего за счет инноваций — новых производств или принципиально новых методов управления и технологий.

Существенной проблемой российского оружейного производства была древесина: ореховое дерево, из которого делали приклады, Россия традиционно импортировала из Германии. Но братья Нобели решили, что лучше было бы найти альтернативу слишком дорогому импорту. Ходили слухи, что на юго-западе Азербайджана есть подходящие ореховые деревья. Роберт отправился в командировку в Ленкорань, но, как выяснилось на месте, транспортировка леса из Закавказья была слишком дорогостоящей, поэтому от проекта пришлось отказаться. Однако Нобелю удалось узнать, что в регионе есть нефть. Местные жители и русские военные об этом знали давно. Но интереса ни у государства, ни у частного капитала к азербайджанской нефти не было. Возможно, это было связано с тем, что спрос на нефть был тогда еще мал, однако Нобели сумели понять будущие перспективы нефтедобычи.

Из писем Людвигу Нобеля Альфреду следует, что спрос в Европе на керосин был уже достаточно велик, чтобы считать предприятие в Баку выгодным капиталовложением. Спрос на керосин рос так быстро, что Людвигу стало не хватать гужевого транспорта для отправки нефти через Кавказский хребет (для этого тогда использовали ослов). Альфред Нобель быстро нашел выход из сложной транспортной ситуации: ослов заменили трубопроводом, который был запатентован в Стокгольме. Альфреду для этого потребовались несколько дней интенсивной умственной работы, бумага, карта Кавказа и карандаш.

В 1877 г. Людвиг Нобель в Императорском русском техническом обществе предложил использовать отходы нефтепереработки (солярку, мазут и бензин) в промышленном производстве [10, с. 324]. К работе над этой тематикой подключился тогда знаменитый Д. И. Менделеев. В том же 1877 г. в Швеции был спущен на воду первый нефтеналивной танкер «Зороастр». Знаменитые нефтяные качалки стали результатом работы тех же Нобелей.

К концу XIX в. Нобелям удалось создать одну из крупнейших в России компаний «Бранобель», имевшую, к тому же, вертикальную интеграцию. Помимо нефтеналивных танкеров и трубопроводов, они впервые применили нефтеналивные вагоны и металлические хранилища-резервуары. В результате всех инноваций стоимость керосина упала с 2 р. за фунт в 1877 г. до 25 к. в 1885 г. С 1879 по 1888 г. объемы добычи нефти в России возросли в 10 раз, достигнув отметки 23 млн баррелей в год, что составило примерно 80 % от уровня США, главной нефтедобывающей страны того времени [4, с. 71].

Интересна в связи с историей Нобелей и ситуация с капиталом компании «Бранобель». Альфред Нобель под конец своей жизни имел долю в капитале «Бранобель», исчисленную в 10 млн. шведских крон. По паритету покупательной способности (ППС) одна шведская крона стоила приблизительно 1,3 р., если взять за основу расчета соотношения набор товаров корзин прожиточного минимума шведского и русского рабочих (рассчитано по: [1, с. 108–115]). Таким образом, Альфред Нобель вложил в компанию «Бранобель» около 13 млн р. Однако даже этих денег было бы недостаточно для создания «империи Нобелей» в России, так как строительство только одного небольшого нефтеперегонного завода обошлось Роберту Нобелю в 25 тыс. р. К концу века в Баку действовали примерно 200 заводов, каждый из

них большего масштаба, чем тот, что организовал Роберт. Помимо заводов, надо было построить железную дорогу, которая соединила Баку с Батуми, пустить по Каспию нефтеналивные танкеры, трубопровод через Кавказский хребет и многое другое. Особо надо отметить, что Роберт и Людвиг Нобели, в отличие от Альфреда, не имели крупных финансовых средств.

Несмотря на внедрение трубопровода, который был еще слабым, транспортные расходы сильно били по «Бранобель». Например, доставка керосина из США в Тбилиси за тысячи километров в основном морем обходилась дешевле, чем доставка его из Баку сушей за 340 км [4, с. 69]. На помощь пришли Ротшильды: они профинансировали строительство железной дороги, которое завершилось в 1883 г., сделав Россию главным конкурентом США по продаже керосина на европейских рынках. Ротшильды взяли под свой контроль в России компанию по транспортировке нефти – «Батумское нефтепромышленное и торговое общество», которое сосредоточивало в своих руках большую часть российского нефтяного экспорта [4, с. 70]. Правда, Нобели не участвовали в строительстве Закавказской железной дороги, предпочтя альтернативу – трубопровод Баку-Батуми, который был построен в 1889 г. Тем не менее, и этот проект был достаточно дорогостоящим.

Объяснение того, как братья Нобели умудрялись осуществлять в России дорогостоящие проекты без крупных собственных средств, заключается в том, что они имели хороший кредит – брали деньги у банка Credit Lyonnais [4, с. 69]. Это был французский банк, основанный в Лионе еще в 1860 г. Этот банк оказался первым иностранным банком, допущенным в 1879 г. стараниями Нобелей к работе в России. К началу XX в. Credit Lyonnais вошел в группу крупнейших банков мира.

## Французские капиталы — ресурс Российской империи

С Лионом и лионскими банкирами у Российской империи вообще было связано многое. Не то, чтобы правители Российской империи испытывали какие-то особые симпатии к Французской республике — скорее наоборот. Просто к 1870 г. в этой стране были накоплены крупные капиталы, которым не находилось достаточно прибыльного приложения у себя «дома». Конtribusi в пользу Германии для Франции не была столь же ощутима как общемировой кризис 1870-х гг., который продлился практически до конца века. Та затяжная «великая депрессия» (так принято называть этот период в экономической истории Запада) была спровоцирована слишком высокой рентой в экономиках развитых стран. России этот кризис также коснулся, хотя и не сильно, поскольку ее экономика еще не была интегрирована в капиталистический мир-систему. Кроме того, депрессия в России была смягчена активной политикой правительства по строительству железных дорог.

Если англичане предпочитали в то время вкладывать деньги в США и свои колонии, то французский капитал стал активно интересоваться Россией, так как свои колонии у французов были экономически менее привлекательны. Ярким примером проникновения французских капиталов в экономику Российской империи является история освоения залежей ископаемых в Польше.

Россия хронически страдала от дефицита угля, который был жизненно необходим для развития индустриальной экономики. Помимо этого, к моменту начала Великих реформ обнаружилось проблемы с металлургией, ее мощностей стало не хватать. В связи с чем, правительство решило поднять Домбровский рудно-угольный бассейн, принадлежавший Польскому банку. За дело взялся получивший крупный государственный кредит А. Племянников. Однако модернизировать предприятия Домброва ему не удалось —

не хватило знаний и правильно сделанных расчетов. Правительству пришлось обратиться к добывавшимся концессии в Царстве Польском французам.

Французское акционерное общество «Гута Банкова» взяло в аренду на 35 лет предприятия Домбровского бассейна. Компания столкнулась с дефицитом средств, но эта проблема была быстро решена – на французском фондовом рынке были специально размещены акции на 4 млн франков. К 1900 г. учредитель «Гута Банкова» Ж. Боннардель контролировал в России 9 компаний с общим объемом номинального капитала в примерно 50 млн франков, или на тот момент 18 % всей биржевой стоимости французских инвестиций в промышленность России [3, с. 32].

К началу XX в. французам удалось поставить под свой контроль 41 % добычи угля в Домбровском бассейне и 38 % добычи в Донбассе [3, с. 56]. Всего же в России французы к тому времени контролировали промышленный капитал номинальной стоимостью примерно 103 млн франков (по золотому паритету это эквивалентно 36,8 млн золотых рублей, по ППС – вдвое больше). Акционерный капитал 33 французских компаний, открывших свою деятельность в России после 1888 г., составлял на 1 января 1901 г. 110 млн р., или 25 % от всего акционерного капитала иностранных компаний.

По оценкам А. Н. Зака, общий объем акционерного капитала в России составлял на 1912 г. 772,5 млн р., из них 401,3 млн р. иностранного происхождения [5]. Если принять во внимание, что новые и капиталоемкие отрасли развивались в России в основном через деятельность акционерных компаний, то можно понять особое значение иностранного капитала, который шел в основном в угледобычу, металлургию и машиностроение. Согласно данным А. Н. Зака, около 71 % капитала в российском машиностроении имел немецкое происхождение.

Помимо частных инвестиций, экономическое развитие России финансировалось также за счет размещавшихся во Франции займов. Именно Франция стала главным кредитором царского правительства.

До 1887 г. Россия была финансово тесно связана с немецким рынком долговых обязательств. В Германии российские государственные займы и займы фактически государственных железнодорожных компаний были достаточно популярны, выступая залогом для получения кредитов у Рейхсбанка уже немцами. Но в 1887 г. Бисмарк запретил Рейхсбанку выдавать ссуды под русские ценные бумаги. В результате их цена стала падать.

Французские банки проявили в тот момент инициативу в скупке российских ценных бумаг. Российский министр финансов Бунге еще в 1886 г. предложил упорядочить процесс перемещения российских фондов во Францию — конверсию. В феврале 1888 г. Комитет финансов отбросил все сомнения и дал на нее «добро» [3, с. 50–51].

Конверсия русских займов показала, что в руки французов к 1892 г. попали русские долговые обязательства на сумму 6,5 млрд франков — сумма в рублях гигантская, если считать по ППС. В 1903 г., скажем для сравнения, все бюджетные доходы империи составили лишь 2 032 млн р., расходы — 1 883 млн р. [8, с. 355]. 80 % от всех русских займов, попавших во Францию, оказались в руках группы Ротшильдов. За старыми займами, среди которых числился частично не погашенный военный заем России 1877 г., последовали займы 1893, 1894 и 1896, это были уже чисто правительственные займы.

С конца 1880 гг., так называвшийся, «обыкновенный» бюджет, то есть, бюджет без расходов на капитальное строительство, стал бездефицитным. Однако произошло это за счет того, что расходы на крупные строительные проекты были выведены за пределы

бюджета и финансировались в основном за счет займов. В 1892 г. государственный долг империи составил 4 905 млн р., в 1903 г. — уже 6 679 млн р. [8, с. 355].

Главным сторонником внешних займов под капитальное строительство был С.Ю. Витте. Именно он возглавил в начале XX в. партию сторонников сближения с Антантой. Витте провел знаменитую реформу 1897 г., которая, помимо прочего, жестче привязала рубль к золотому паритету, в чем в первую очередь были заинтересованы иностранные инвесторы, особенно французские.

\* \* \*

Подведем итоги нашего обзора некоторых аспектов участия западного бизнеса в российской модернизации второй половины XIX в.

Мы полагаем, что модернизация России вообще вряд ли удалась бы за счет использования *только* внутренних ресурсов. Во многом ключевую роль в повороте России к активному привлечению западных инвесторов сыграла Крымская война, которая заставила правительство Александра II всерьез задуматься о техническом прогрессе. Поворот к Великобритании, главному геополитическому противнику, заставляет предполагать, что император-реформатор стремился к примирению («разрядке напряженности») через экономическое сотрудничество.

Была ли такая — прозападная — модернизация навязанным явлением, против которого восстанут Лев Толстой, Федор Достоевский и многие другие русские мыслители? В какой-то степени — да. Иностранные капиталы в этой связи оказались внешним неожиданным для общества фактором, который внес в социально-экономическое развитие России более быструю ломку привычного образа жизни и устоявшихся моделей экономического поведения, а также моделей получения доходов. Например, железные дороги, с одной

стороны, способствовали росту экономики, но, с другой, делали те крестьянские хозяйства, которые стояли далеко от железнодорожных магистралей, неконкурентоспособными. Железные дороги способствовали трудовой миграции, но в условиях нерегулируемого рынка труда это вело к социальным кризисам в городах, вызванным превышением предложения труда над спросом на него.

Таким образом, модернизация в России второй половины XIX в. была противоречивым явлением. Впрочем, в современном российском обществе протекают схожие процессы. Качество жизни населения практически не слишком улучшилось в результате импорта капиталов и институтов с Запада, а в 1990-е гг. даже резко ухудшалось. В конце XIX в. народники выдвигали концепцию обнищания народа в результате импорта капитализма и это следствие — снижение качества жизни многих подданных империи — едва ли вызывает сомнения. В то же время иностранные инвестиции в период 1860–1917 гг. создавали новые отрасли и подотрасли, ярким примером чему служит предприятие Нобелей. В России же 1990-х гг. мы наблюдали иную картину: иностранный капитал не создавал новые отрасли, а «наслаивался» в основном на старые производства. И в этом смысле постсоветская модернизация во многом проигрывает имперской.

### **Список использованной литературы**

1. Бекстрем К. История рабочего движения в Швеции / К. Бекстрем ; сокр. пер. со швед. Е. А. Носова [и др.]. — М. : Изд-во иностр. лит., 1961. — 333 с.
2. Бельских И. Е. Промышленная история России М. И. Туган-Барановского / И. Е. Бельских. — Волгоград : Изд-во Волгogr. гос. ун-та, 2001. — 152 с.
3. Бовыкин В. И. Французские банки в России. Конец XIX — начало XX в. / В. И. Бовыкин. — М. : РОССПЭН, 1999. — 254 с.
4. Ергин Д. Добыча. всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Д. Ергин ; пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2011. — 943, [1] с.



5. Зак А. Н. Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности / А. Н. Зак. — СПб. : Тип. Л.Я. Ганзбурга, 1914. — 67 с.

6. Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) / В. В. Морозан. — СПб. : Крига, 2004. — 398, [1] с.

7. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора / А. А. Мосолов. — СПб. : Наука, 1992. — 264 с.

8. Пушкарев С. Г. Россия 1801-1917 : власть и общество : учеб. пособие / С. Г. Пушкарев. — М. : Посев, 2001. — 671 с.

9. Хромов П. А. Экономическая история СССР. Период пром. и монополист. капитализма в России : [учеб. пособие для экон. спец. ун-тов] / П. А. Хромов. — М. : Высш. школа, 1982. — 240 с.

10. Чумаков В. Ю. Русский капитал от Демидовых до Нобелей : [история развития предпринимательства в России на протяжении XVIII — XIX веков] / В. Ю. Чумаков. — М. : ЭНАС, 2008. — 334, [1] с.

11. Kort M. The Soviet colossus: The rise and fall of the USSR / M. Kort ; 3rd ed. — Armonk, N.Y. : M.E. Sharpe, 1993.

12. Kutolowski J. F. British economic interests and the polish uprising, 1861–1864 / J. F. Kutolowski // The Polish Review. — 1984. — Vol. 29, no. 4. — P. 3–25.

### Информация об авторах

*Попов Григорий Германович* — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики, Московский технологический институт, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 38-а, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

*Давыдов Станислав Геннадьевич* — доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Московский филиал Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, 109548, г. Москва, ул. Полбина, 1, e-mail: litfond-pr@yandex.ru.

### Authors

*Popov Gregory Germanovich* — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Moscow Technology Institute, 38-a, Leninskiy prosp, 119334, Moscow, Russian Federation, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

*Davydov Stanislav Gennad'evich* — D.Sc. in History, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Leningrad State University named A.S. Pushkin, Moscow branch, 1, Polbina st., 109548, Moscow, Russian Federation, e-mail: litfond-pr@yandex.ru.

### **Библиографическое описание статьи**

Попов Г. Г. Роль иностранного капитала в модернизации России в эпоху Великих реформ / Г. Г. Попов, С. Г. Давыдов // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 579–596. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(3).579-596.

### **Reference to article**

Popov G. G., Davydov S. G. The role of foreign capital in the modernization of Russia in the period of the Great Reforms. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 579–596. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).579-596. (In Russian).